

Подходы к регулированию неформальной занятости: теория и практика¹

Д. В. НЕКИПЕЛОВА. E-mail: d.nekipelova@mail.ru
Академия труда и социальных отношений, Москва

Аннотация. Проблема распространения неформальной занятости актуальна для многих стран вне зависимости от уровня их социально-экономического развития и обладает ярко выраженной географической и национальной спецификой. Большинство стран пытаются оптимизировать это явление и максимально легализовать трудовые отношения. Автор статьи анализирует различные подходы к регулированию неформальной занятости, в том числе существующие в рамках классических научных школ, а также реализованных на практике отдельными странами. Через анализ теоретических и прикладных подходов автор задается целью поиска актуальных решений, направленных на сокращение неформальной занятости и повышение качества структуры общей занятости для российского рынка труда. Интегрирование успешных зарубежных практик в российских условиях может позволить сократить время и расходы на реализацию соответствующих программ, а также повысить их эффективность. Главный вывод исследования заключается в том, что сокращение неформальной занятости зависит от реализации комплексных и системных мероприятий, охватывающих все сферы институциональной, экономической, социальной и правовой среды. В заключение представлены предложения, которые, по мнению автора, могут лечь в основу государственной программы по легализации занятости.

Ключевые слова: неформальная занятость; неформальная экономика; занятость в неформальном секторе; прекаризация занятости; рынок труда; достойная занятость; предпринимательство; теневая экономика

Введение

Неформальная экономика играет все большую роль в обеспечении занятостью населения по всему миру. По данным Международной организации труда (МОТ), около 60% трудоспособного населения в мире (около 2 млрд человек²) заняты на неформальной основе. Вместе с тем более половины организаций малого и среднего бизнеса, а частично и крупные организации ведут

¹ Работа выполнена в рамках диссертационного исследования на соискание научной степени кандидата экономических наук.

² Women and men in the informal economy: a statistical picture (third edition) / International Labour Office – Geneva:ILO, 2018/ URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang--en/index.htm (дата обращения: 05.06.2019).

теневую или полутеневую деятельность, создавая неформальный сектор экономики.

Отметим, что под неформальной занятостью автор понимает вид трудовых отношений, при которых между работником и работодателем не заключен письменный трудовой договор в соответствии с национальным трудовым законодательством в случае работы по найму или если у работника отсутствует регистрация в качестве налогового агента, когда он работает на себя и у него нет постоянного работодателя. Основной мотивацией при этом, как правило, выступает нежелание платить в полном объеме налоги и социальные взносы, а также исполнять другие гарантированные трудовым законодательством обязательства перед работником. Поэтому даже в легальном секторе рынка труда могут иметь место неформальные трудовые отношения в виде, например, привлечения к внеурочной или дополнительной работе без оплаты, использования «серых» схем оплаты труда и т.д. [Сафонов, Некипелова, 2018].

Социально-экономические последствия от неформальной занятости можно оценить двояко. С одной стороны, она обеспечивает людям необходимый (или дополнительный) заработок в условиях нехватки рабочих мест или низкой официальной зарплаты; в определенных условиях это может быть единственным видом занятости, доступным некоторым слоям населения (женщинам, лицам старших и младших возрастных групп, низкоквалифицированным работникам). С другой стороны, в ее результате нарушаются трудовые права наемных работников, снижаются уровень социальной защищенности граждан и налоговые поступления в государственный бюджет, что обуславливает социальную и экономическую неустойчивость государства и общества.

Основная дилемма государственной политики в сфере занятости состоит в необходимости предоставления гарантии занятости и соблюдения трудовых прав работников, с одной стороны, и обеспечения социальных прав неработающих граждан (пенсии, пособия по безработице, субсидии малоимущим и т.д.) – с другой. При этом социальные гарантии, как правило, финансируются из налоговых и иных отчислений трудящихся. Таким образом, поиск и внедрение эффективных мер, направленных на сдерживание роста неформальной занятости и легализацию занятости в целом, представляется актуальной задачей.

Специфика распространения этого явления в разных странах имеет свои особенности и во многом зависит от состояния национальной экономики, системы регулирования рынка труда, менталитета населения и даже геополитического положения отдельно взятого государства. Именно поэтому не существует универсального подхода, способного одновременно решить проблему легализации на рынке труда, но у каждой страны есть определенный опыт в решении этой проблемы.

Интерпретация неформальной занятости и подходы к ее регулированию в рамках классических научных школ

В первую очередь обратимся к истокам изучения анализируемого явления. С момента своего «открытия» [Hart, 1973] неформальная занятость рассматривалась как традиционная, неорганизованная, подчиненная идее выживания предпринимательская деятельность городского населения³, обеспечивающая удовлетворение бытовых потребностей жителей (уличная торговля, извоз, уборка улиц и помещений, охрана, парикмахерские услуги, услуги по пошиву и ремонту и т.д.), которой занимались работники, не востребованные формальным сектором ввиду различных обстоятельств.

Тогда это понятие существовало в рамках теории неформального сектора и рассматривалось как особая форма организации производства, характерная исключительно для стран третьего мира ввиду структурных особенностей их рынков труда. В русле теории экономического развития, выдвинутой А. Льюисом [Lewis, 1954] и поддерживаемой другими учеными [Boeke, 1953; Geertz, 1978; Harris, Todaro, 1970], считалось, что неформальный сектор является «промежуточным этапом» развития экономической системы и приобретет организованный характер по мере индустриализации экономики. Однако в дальнейшем опыт отдельных развивающихся стран опроверг эту теорию – неформальный сектор рос вместе с индустриальной экономикой.

³ Первоначально термин звучал как «городская неформальная занятость» (urban informal employment), сельскохозяйственная деятельность не учитывалась, теперь неформальная занятость подразделяется на «сельскохозяйственную» и «не сельскохозяйственную». Далее в основном речь идет о второй из них.

Вскоре неформальность стала рассматриваться более широко, «как характер экономических отношений, в разной степени и в разных формах проявляющийся во всех без исключения формах хозяйствования» [Барсукова, 2004. С. 25], такой подход позволял не ограничиваться рамками неформального сектора⁴ развивающихся экономик. Исследователи начали находить проявления неформальной активности в странах с различным уровнем социально-экономического развития и политического устройства, а также характеризовать ее не как «обездоленный остаточный сегмент рынка труда», а как «нерегулируемый микропредпринимательский сектор», который недобросовестно конкурирует с официальными предприятиями [Maloney, 2004. С. 1] или как «новый бизнес-класс» [De Soto, 1989. С. 243].

Наряду с пониманием объекта исследования менялись и представления о необходимых мерах по легализации занятости. В основном они формировались в русле различных направлений в экономической теории, а их апробирование чаще всего происходило на примере развивающихся стран Африки, Азии и Латинской Америки, где проблемы неформальной занятости стоят наиболее остро.

В частности, подходы, которые легли в основу программ занятости Международной организации труда и стран Латинской Америки, явно базируются на принципах *неоклассической экономики*. Неоклассики считают неформальный сектор сосредоточением предприятий с низкой производительностью труда, семейным типом организации производства, мелким масштабом производства и трудовыми ресурсами низкого качества, что делает перспективу его интегрирования в формальную экономику маловероятной. Более того, формализация сектора во многих случаях считается нецелесообразной, поэтому он часто является объектом лишь дотаций, призванных нивелировать негативные социальные последствия.

Источник роста неформального сектора неоклассики видят в *значительном преобладании предложения низкоквалифицированной рабочей силы на рынке труда над спросом на нее*. Такая

⁴ Так, от объекта исследования в виде «занятости в неформальном секторе экономики» («employment in informal sector of economy»), ограниченного отдельным сегментом рынка труда, перешли к более универсальному – «неформальная занятость» (informal employment).

гипотеза родилась на почве масштабной урбанизации в развивающихся странах, темпы которой в течение 1950–1990-х гг. в 1,5–2 раза превысили темпы урбанизации развитых стран. Доля городского населения в некоторых странах Латинской Америки стала доходить до 70–80% от общей численности населения, в странах Африки – 30–40% (в Северной Африке – до 54%), в странах Азии – до 70% [Щербакова, 2018].

Жители в поисках более высокооплачиваемой работы, качественной медицины и образования, а также лучших условий жизни стали активно переселяться из сельских районов в крупные, и особенно – столичные города. Однако их ожидания оказались неоправданными. В большинстве этих стран отсутствовали программы содействия занятости, так что вновь прибывавшие в города люди были вынуждены решать свои проблемы самостоятельно в рамках трудоустройства в неформальной экономике [Thomas, 1995].

Более современный, консенсусный подход Международной организации труда рассматривает проблему неформальной занятости с позиции дефицита «достойных рабочих мест» (*decent work*)⁵ в экономике, обеспечивающих не просто занятость, но справедливый размер оплаты и безопасные условия труда, соблюдение режима труда и отдыха, права на ежегодный оплачиваемый отпуск, на оплату больничного, выплату выходного пособия при увольнении и пр. Не случайно в большинстве современных социологических и экономических работ, посвященных неформальной занятости, ее нередко отождествляют с таким социальным явлением, как *прекаризация*, которая означает переход от постоянных гарантированных трудовых отношений к неустойчивым формам занятости, ведущий к практически полной потере работником социально-трудовых прав [Бизюков, 2013. С. 37–38].

Основной путь борьбы с этим явлением видится в стимулировании создания новых рабочих мест, что входит в перечень целей устойчивого развития ООН (п. 8 «Достойная работа

⁵ International Labour Office (2002b): Decent Work and the Informal Economy; Report of the Director-General; International Labour Conference, 90th Session; Report VI; International Labour Office, Geneva. – 2002.

и экономического роста»)⁶. Для достижения этой цели МОТ была разработана и представлена стратегия достойной занятости, *«охватывающая целый ряд областей политики, устраняющих негативные аспекты неформальности, сохраняя при этом значительный потенциал создания рабочих мест, получения доходов и способствуя защите и включению работников и экономические единицы основной экономики»*⁷.

Противоположным неоклассическому является *неоинституциональный подход*, развиваемый перуанским экономистом Э. де Сото. Взгляды ученого основывались на результатах многолетних наблюдений [De Soto, 1989, 2000] в крупных городах развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Во-первых, он считал, что у развивающихся стран свой путь экономического развития, обусловленный национальными традициями и ментальными особенностями населения. Во-вторых, он видел основную причину роста неформальности в развивающихся странах в чрезмерном государственном регулировании, сознательном поддержании им высоких барьеров входа на формальный рынок и угнетении прав собственности простых граждан. Так, по его словам, *«в стремлении удержать высокодоходные отрасли под своим контролем государством искусственно создаются и поддерживаются высокие барьеры входа на официальный рынок»* [De Soto, 1989]. И сам ученый, и его последователи считали вмешательство государства в экономическое регулирование и его участие в экономике крайне нежелательным. В-третьих, в отличие от неоклассиков, Э. де Сото видел в неформальном секторе не убежище маргиналов, а значительный резерв «новых предпринимателей», который при устранении существующих бюрократических барьеров является потенциальным источником экономического роста.

Отметим, что с начала столетия Перу действительно пошла по пути улучшения предпринимательской среды. Общий рейтинг Перу в *Doing Business Report* поднялся со 134-го места в 2004 г.

⁶ Цели в области устойчивого развития. Цель 8: Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/economic-growth/> (дата обращения: 01.05.2020).

⁷ ILO 2010: Report VI Employment Policies for social justice and a fair globalisation; Recurrent item report on Employment 2010. Report submitted to the International Labour Conference 99th session 2010. P. 133.

до 43-й строчки в 2013 г., за эти годы значительно улучшены показатели по издержкам на запуск бизнеса, регистрации имущества в собственность, получению кредитов и налогообложению (табл. 1), но уже с 2013 г. по 2018 г. наблюдается небольшой «откат» показателей, вызванный, по всей видимости, замедлением темпов экономического роста в 2014–2017 гг.

Таблица 1. Динамика показателей Перу в совершенствовании предпринимательской среды в 2004–2018 гг.

Показатель	2004	2007	2013	2018
Общий рейтинг в списке стран	134	124	43	58
Начало ведения бизнеса (рейтинг)	Н.д.	92	60	114
Количество процедур	9	10	5	7
Дней	100	72	26	26,5
Стоимость, % от дохода на душу населения	24,9	32,5	10,6	10,0
Регистрация собственности (рейтинг)	Н.д.	32	19	44
Количество процедур	Н.д.	5	4	5
Количество дней	Н.д.	33	7	7,5
Затраты, % от стоимости объекта	Н.д.	3,3	3,3	3,3
Получение кредита (рейтинг)	Н.д.	33	23	20
Уплата налогов (рейтинг)	Н.д.	135	85	121
Количество налогов	Н.д.	53	9	9
Время, затрачиваемое на расчет и уплату, ч/год	Н.д.	424	293	260
Общая налоговая ставка, %	Н.д.	40,8	40,5	35,6

Источник: составлено автором по данным World Bank, Doing Business Report, 2004, 2007, 2013, 2018.

Наиболее благоприятным с точки зрения экономического роста для Перу был период с 2002 г. по 2013 г. За эти годы удалось более чем в два раза снизить уровень бедности (с 54% до 24%), добиться исторически низкого уровня безработицы (менее 4% в 2013 г.), почти вдвое увеличить количество участников программы социального и медицинского страхования (с 30% до 59% занятых), а также повысить долю формальной занятости с 20,1% в 2007 г. до 26,3% в 2013 г. [Chacaltana, 2016].

Проведенная реформа трудового законодательства позволила сократить затраты предприятий на содержание фонда оплаты труда (non wage labor costs) с 54% до 17%. Однако, несмотря на это, около 2/3 рынка труда по-прежнему составляют малые и микрофирмы (численностью до 10 сотрудников), занятые в секторе домашнего хозяйства и самозанятые в традиционно

неформальных отраслях, в частности, в розничной торговле и транспорте. Таким образом, неформальная занятость в Перу все еще значительно превышает общерегиональный показатель по Латинской Америке, который составляет 53,1% (49,0% без с/х компоненты). В Перу в 2018 г. общая неформальная занятость составила 69,2%, несельскохозяйственная – 59,1%^{8,9}.

Сторонники *марксистского подхода (структуралисты)* указывают на эксплуататорскую природу связи формального и неформального секторов, возникшей после обретения суверенитета бывшими колониальными странами [Castells, Portes, 1989]. Став независимыми политически, бывшие колонии впали в экономическую подчиненность к развитым западным странам, как выгодная площадка для размещения низкокзатратных производств, которые позволяли существенно сокращать издержки на труд, сырье, экологию и налоги транснациональных корпораций. «Парад суверенитетов» в колониях совпал со стремительным ростом мирового потребления, что только укрепляло интерес мировых корпораций к наращиванию высокорентабельной производственной базы в развивающихся странах.

Значимой попыткой структуралистов преодолеть зависимость от импорта была масштабная программа импортозамещающей индустриализации (Import Substituting Industrialization) в ряде латиноамериканских стран в период с 1950 г. по 1970 г., которая была призвана снизить их сырьевую и товарную зависимость от импорта и сформировать устойчивый рынок внутреннего производства и потребления. Помимо прочего, на нее возлагались большие надежды относительно обеспечения занятости городского экономически активного населения, растущего за счет миграции из сельской местности.

В итоге программа обеспечила рост экономики в четыре раза (средний темп экономического роста за эти годы составил 5,5%), однако численность экономически активного городского населения продолжала расти вследствие сельско-городской миграции, и этот поток значительно превосходил возможности

⁸ Women and men in the informal economy: a statistical picture (Second edition) / International Labour Office – Geneva: ILO, 2009.

⁹ Women and men in the informal economy: a statistical picture (third edition) / International Labour Office – Geneva: ILO, 2018./ URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang-en/index.htm дата обращения: 05.06.2019

создания рабочих мест в рамках индустриальной программы. То, что при этом не наблюдалось соразмерного роста открытой безработицы, подтверждало гипотезу о поглощении неформальным сектором излишков трудового предложения. В итоге доля городского населения, занятого на неформальной основе, в латиноамериканских странах сократилась только на 4% (с 46% в 1950 г. до 42% в 1980 г.).

К сожалению, индустриальная программа имела некоторые негативные последствия в виде существенного роста инфляции и внешнего долга стран – участниц программы, что на волне экономического кризиса начала 1980-х гг. наряду с замедлением темпов роста ВВП дало обратный эффект на рынке труда – городская неформальная занятость стала стремительно расти. В Бразилии она увеличилась с 17% в 1981 г. до 30% в 1985 г., а в Аргентине за тот же период – с 14% до 24%. Параллельно с сокращением количества крупных предприятий в годы кризиса в экономике росла доля в экономике малого бизнеса (с 14,6% в 1980 г. до 22,5% в 1992 г.) и количество самозанятых (с 19,2% до 25%), в целом доля неформального сектора выросла на 14,2% (с 40,2% в 1980 г. до 54,4% в 1992 г.). Сложившаяся картина подтвердила, с одной стороны, недостаточность индустриального роста в части сокращения неформального сектора, с другой – справедливость гипотезы о резервном назначении неформальной экономики, к которой люди обращаются ввиду внешних ограничений [Thomas, 1995. С. 45–47].

Несколько иначе неформальный сектор и неформальную занятость рассматривают приверженцы *неолиберальных взглядов*. В их картине мира неформальность впервые предстает с точки зрения рационального выбора экономического субъекта относительно степени участия в формальных институтах на основании сопоставления преимуществ и издержек. Так, Г. Филдс разделяет неформально занятых на «верхний» и «нижний» уровни, где представители верхнего уровня получают от своего неформального статуса некие преференции, которые превышают вероятные выгоды от аналогичной занятости в формальном секторе, таким образом, можно считать, что их выбор получается более-менее добровольным. На нижнем уровне, напротив, неформальная занятость является вынужденной, маргинальной

и низкооплачиваемой, и ставит работников в зависимое и уязвимое социальное положение [Fields, 1990].

Как правило, «верхний» сегмент составляют «неформальные самозанятые», которые по большей части представляют собой «нерегулируемый аналог (по отношению к развитым странам) добровольного предпринимательства в развивающихся странах» [Maloney, 2004]. Современным понятием, характеризующим предприимчивый класс такого рода «неформалов», является «система Д» (от франц. *Débrouillard* – находчивый, сообразительный), который объединяет под собой всю деятельность по торговле товарами и услугами, избегающую государственного налогообложения, лицензирования, сертификации и регулирования (в англоязычной традиции ее также называют *do it yourself economy*)¹⁰.

Неолибералы отмечают, что для целей регулирования принципиально важно понимать различия и правильно оценивать соотношение «добровольных» и «вынужденных» неформалов [Kuchera, Roncolato, 2008. С. 324–325] и исходя из этого решать вопросы об оптимальном уровне социальной защиты, а также о необходимой степени инфорсменты (принуждения к исполнению) действующего законодательства, которые позволяют экономическим субъектам делать выбор [Maloney, 2004].

Главный способ в борьбе с неформальной экономикой и занятостью, по мнению неолибералов, заключается в обеспечении государством справедливых условий конкуренции через сочетание стимулов и ограничений. Эта задача остается весьма актуальной даже для развитых стран, не говоря уже о развивающихся, учитывая значительные показатели неформальной занятости в последних.

В целом подходы к сокращению и регулированию неформальной занятости сторонники различных научных школ выводят из тех функций, которые, по их мнению, она выполняет в экономике той или иной страны (стабилизирующая, компенсирующая, эксплуатируемая производственная база или инструмент конкуренции). В обобщенном виде эти подходы представлены в таблице 2.

¹⁰ System D: The Shadow Economy is the Second Largest in theWorld. URL: <https://freakonomics.com/2011/11/01/the-black-market-is-the-second-largest-economy-in-the-world>

Таблица 2. Подходы и инструменты сокращения неформальной занятости с точки зрения основных научных школ

Подход	Функции неформальной деятельности	Роль государства	Необходимые меры
Неоклассический (МОТ, 1972 г.)	Убежище маргиналов, социальный стабилизатор	Обеспечение баланса в экономике (перераспределение благ)	Стимулирование создания новых рабочих мест в формальном секторе экономики
Неоинституциональный (Э. де Сото, 1989 г.)	Возможность снятия искусственно созданных государством ограничений для предпринимательства	Наблюдение и создание необходимых условий для развития бизнеса	Снятие административных барьеров на ведение предпринимательской деятельности; защита прав собственности
Марксистский (М. Кастельс, А. Портерс, 1989 г.)	Источник сокращения издержек крупного капитала	Устранение экономического дисбаланса, регулирование деятельности крупных корпораций	Сокращение налоговой нагрузки на труд и малый бизнес
Неолиберальный (Всемирный банк, У. Мэлони, 2004 г.)	Инструмент нечестной конкуренции	Установление и обеспечение принципов конкуренции и законов свободного рынка	Совершенствование законодательства и повышение информента контрактов для поддержания справедливой конкурентной среды

Источник: составлено автором.

Специфика неформальной занятости в развитых и развивающихся странах

Актуальная статистика показывает, что в развивающихся странах с низким уровнем доходов доля неформальной занятости остается самой высокой, в целом на них приходится более двух третей от мирового количества занятых неформально. Так, неформальная несельскохозяйственная занятость в развивающихся странах Африки составляет 71,9%, в Азиатско-Тихоокеанском регионе – 62,8%, в арабских государствах – 63,9%, в Северной и Южной Америке – 53,8%, в Европе и Центральной Азии – 36,8%. Как правило, неформальная занятость в этих странах стоит в одном ряду с другими масштабными социально-экономическими проблемами – бедность, низкий уровень социальной защищенности, безработица, высокие налоги, перекосы в трудовом законодательстве и т.д., выступая во многом и причиной, и следствием этих явлений.

В отдельных странах Азии (Камбоджа, Непал, Бангладеш, Индия и др.) и Африки (Ангола, Бенин, Гана, Мали, Нигерия,

Сенегал, Того, Уганда и др.) показатель неформальной занятости может достигать до 80 и даже 90%, являясь, по сути, вариантом нормы. На их фоне страны, в которых неформальная занятость составляет около 50% от рынка труда (Ирак, Сирия, Китай, Парагвай, Колумбия, Перу, Эквадор, Таджикистан и др.), выглядят вполне успешными в борьбе за легализацию трудовых отношений. В то же время в большинстве развитых европейских стран (Австрия, Германия, Норвегия, Франция, Швейцария, Швеция) неформальная занятость не превышает 10% (тем самым доказывая, что полностью искоренить это явление, по-видимому, невозможно) (рис. 1).

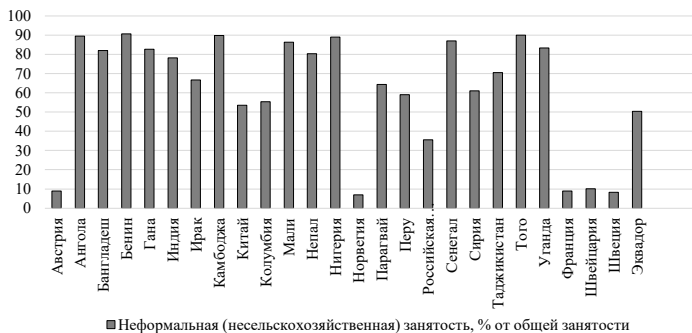

Рис 1. Уровень неформальной занятости в различных странах мира¹¹, % от общей занятости

Одной из причин поддержания высокого уровня неформальной занятости в развивающихся странах является *низкий уровень образования населения*. Так, вероятность участия в неформальной экономике людей со средним и высшим образованием составляет 21,5%, а среди людей без образования – 86%¹².

Другой определяющий фактор – *большое количество населения, живущего за чертой бедности*. Для них неформальная занятость зачастую является единственным источником дохода. Например, среди бедных в Камеруне эта доля составляет 50,4%,

¹¹ Women and men in the informal economy: a statistical picture (third edition) / International Labour Office – Geneva: ILO, 2018. С. 52/ URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang-en/index.htm (дата обращения: 05.06.2019). С. 97–102.

¹² Там же. С. 54.

а в Руанде – 98%¹³. С одной стороны, это позволяет выживать тем слоям населения, которые ввиду различных обстоятельств не могут быть востребованы формальной экономикой, а с другой – уровень этого дохода лишает их возможности повысить свою квалификацию и найти более достойную работу.

Характерная особенность неформального труда в беднейших развивающихся странах – его представленность в основном *самозанятостью*, которая составляет 70% от неформальной занятости в Южной Африке, 62% – в Северной Африке, 60% – в Латинской Америке и 59% – в Азии¹⁴. Больше всего распространены уличная торговля, извоз, мелкие бытовые услуги разового характера, а также курьерские услуги, ремонт и строительство.

Глобально в неформальной экономике занято больше мужчин, чем женщин, но в отдельных странах женщины практически лишены права устроиться на работу официально, что преимущественно обусловлено религиозными и национальными особенностями и свидетельствует о дискриминации. Так, в Бенине неформальная занятость среди женщин составляет 97%, в Чаде – 95%, в Гвинее – 87%, в Кении – 83%, в Бангладеш, Индии, Непале и Пакистане этот показатель составляет более 90%, превышая мужскую неформальную занятость на 3–12%.

В ужасающих масштабах в беднейших странах распространен детский труд, несмотря на все попытки бороться с этим явлением. В Северной Африке доля детей в возрасте от 5 до 17 лет, вовлеченных в неформальную занятость, составляет 5%, во всех остальных частях континента – около 30%¹⁵.

В отсутствие системных и эффективных государственных программ по регулированию рынка труда в большинстве развивающихся стран, неформальные работники вынуждены самостоятельно объединяться для отстаивания своих прав и повышения социальной защищенности, причем инициатива в основном происходит «снизу», а не «сверху». Например, в Индии с 1972 г. действует организация, наподобие профсоюза самозанятых женщин

¹³ Women and men in the informal economy: a statistical picture (third edition) / International Labour Office – Geneva: ILO, 2018. С. 52/ URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang-en/index.htm (дата обращения: 05.06.2019). С. 48.

¹⁴ Там же. С. 97–102.

¹⁵ International labor organization: «In the world's poorest countries, slightly more than 1 in 4 children are engaged in child labour» URL: <https://data.unicef.org/topic/child-protection/child-labour/> (дата обращения: 15.12.2019).

The Self-employed Woman's Association in India (SEWA), число ее участниц в 2013 г. превысило 1,9 млн человек. Организация ставит своей задачей повышение самостоятельности женщин через обеспечение работниц полной занятостью с гарантированным доходом и социальным обеспечением, она предоставляет своим участницам финансовые (сбережения и кредитование), страховые, юридические и социальные (медицинское обеспечение, уход за детьми) услуги, а также содействует коммуникации и взаимодействию женщин-предпринимателей¹⁶.

Другая международная программа StreetNet International объединяет под своей эгидой уличных торговцев и имеет 28 представительств в 25 странах мира. В качестве примеров самоорганизации можно назвать также Национальную федерацию лесопромышленников и строителей Камеруна; Ведомственную федерацию уличных торговцев Лимы в Перу; Уличную ассоциацию национального альянса Шри-Ланки¹⁷. Однако все эти программы предназначены лишь для социальной защиты неформально занятых, способствовать их легализации они могут лишь косвенно – через взаимодействие с властями в рамках соответствующих госпрограмм.

Некоторые страны Латинской Америки¹⁸ реализуют более последовательную и комплексную политику в области оздоровления рынка труда, и это позволило им добиться неплохих результатов. Так, в период с 2009 г. по 2016 г. неформальная занятость в Уругвае сократилась на 15,3% (с 39,8 до 24,5), в Венесуэле – на 7,8% (с 47,5 до 39,7), в Аргентине – на 2,5% (с 49,7 до 47,2) и в Эквадоре – на 1,9% (с 60,9 до 59).

Правительство Уругвая, в частности, на волне стабильного экономического роста взяло курс на улучшение человеческого капитала и устранение социальных дисбалансов. Формализация занятости стала следствием синергетического эффекта от активной политики правительства в области занятости, социальной защиты

¹⁶ URL: www.sewa.org/Sewa_Services.asp

¹⁷ Promoting Pro-Poor Growth: Social Protection Report OECD, 2009. P. 77–82

¹⁸ Дополнительно с 2013 г. МОТ была запущена в этом регионе «Программа продвижения формализации занятости в Латинской Америке и Карибском бассейне» (Programme for Promotion of Formalization in Latin America and the Caribbean, FORLAC), которая предусматривает помимо информационной и технической поддержки, помощь в «наращивании потенциала организаций работников и работодателей в вопросах формализации занятости».

работников (в 2009 г. принят закон о коллективных переговорах, учреждены трехсторонние советы по заработной плате) и ряда налоговых реформ, направленных на стимулирование создания новых рабочих мест (рис. 2). Подчеркнем, что вслед за легализацией занятости в стране почти в три раза сократился уровень бедности.

Источник: составлено автором¹⁹.

Рис. 2. Система мер и инструментов по улучшению качества занятости, реализованных в Уругвае

¹⁹ International Labour Office: Reduction of informal employment in Uruguay: policies and outcomes – Programme For The Promotion Of Formalization In Latin America and Caribbean (FORLAC) – 2014. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---americas/---ro-lima/documents/publication/wcms_245894.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

В развитых странах основная дилемма государственной политики в сфере занятости состоит в необходимости предоставления гарантии занятости и соблюдения трудовых прав работников, с одной стороны (МРОТ²⁰, оплачиваемые отпуска и больничные, выходные пособия при увольнении и т.д.), и обеспечения социальных гарантий неработающих граждан (пенсии, пособия по безработице, субсидии малоимущим и т.д.) – с другой. При этом социальные гарантии, как правило, финансируются из налоговых и иных отчислений трудящихся.

Так, в большинстве европейских стран модели регулирования рынка труда отличаются исключительной социальной направленностью и развитой организационной структурой, при этом они ориентированы на сохранение рабочего места, поддержания определенного уровня дохода, защиту прав работника через достаточно жесткое трудовое законодательство и высокую степень участия профсоюзов. На профсоюзное движение возложена ведущая роль в сохранении высокого уровня социальной защиты работников, особенно в условиях глобализации экономики.

Гарантировать минимальный доход даже неквалифицированным работникам, минимизировать отраслевую дифференциацию в оплате труда и снижать уровень бедности призван институт МРОТ. В большинстве случаев он успешно справляется с этими задачами, но, как показала практика, порой порождает эффекты, «обратные по отношению к заявленным целям» [Вишневская, 2005. С. 34], поскольку в результате регулярного повышения минимального заработка увеличивается нагрузка на бизнес, вынуждающая часть предпринимателей уходить «в тень» ради экономии на налогах.

В целом западноевропейская модель социального, трудового регулирования основана на убеждении, что занятость на формальной основе является единственным путем к благосостоянию и источником развития человеческого капитала. Преференции формального сектора экономики (пенсионное и социальное страхование, кредиты, налоговые вычеты, пособия и т.д.) в сочетании с поддержкой государства (налоговые льготы и социальные выплаты до гарантированного минимального уровня

²⁰ Минимальный размер оплаты труда.

дохода) способствуют социальной мобильности населения, поддерживают лояльность работников к официальному трудоустройству. Поэтому в таких странах работники делают выбор в пользу неформальной занятости только тогда, когда выгоды от нее превышают выгоды от занятости на формальной основе или официального статуса безработного, или же они поставлены в условия отсутствия выбора.

Германия, Швейцария, Дания, Нидерланды, Швеция, Норвегия, Финляндии, Эстония проводят активную политику занятости. Их государственные фонды занятости финансируют различные программы подготовки и переподготовки кадров, дотируют создание новых рабочих мест. Такой подход видится достаточно эффективным, учитывая невысокие показатели неформальной занятости (до 10%) и безработицы в этих странах. Однако полностью устранить неформальные трудовые отношения не удастся. Отдельные их элементы проникают даже в легальный сектор.

Так, по некоторым данным, не менее 5% занятых на формальной основе в Европе сталкивались с получением от своего работодателя недекларируемых выплат, размер которых мог достигать до 40% от суммы обычного заработка. В наибольшей степени подобные практики распространены среди мужчин, людей молодого возраста (15–24 лет) и представителей рабочих специальностей (ручного труда) в строительстве, сельском хозяйстве, гостиничном и ресторанном бизнесе, торговле, транспорте и бытовых услугах. Отмечается, что в наибольшей степени такие практики распространены в странах Центральной и Восточной Европы, где неофициально может оплачиваться даже регулярная работа, тогда как в Западной и Северной Европе подобные практики могут использоваться только для оплаты сверхурочной и дополнительной работы [Williams, 2009. С. 147–157].

Это наблюдение косвенно подтверждается и данными статистики: так, в целом в европейских странах неформальная занятость сконцентрирована в неформальном секторе экономики, но в Дании (7,2%), Швейцарии (6,2%) и Швеции (5,6%) она намного выше именно в формальном секторе (табл. 3).

Таблица 3. Доля неформальной занятости в общей занятости в странах – членах ОЭСР²¹, %

№ п/п	Страна	Уровень безработицы	Общая доля неформальной занятости	Доля неформальной занятости в секторе экономики	
				неформальном	формальном
1	Польша	4,9	38,0	20,1	17,8
2	Греция	21,5	32,8	32,2	0,5
3	Южная Корея	3,7	31,5	26,1	5,5
4	Испания	16,6	27,3	17,3	9,9
5	Италия	11,2	19,0	16,0	3,0
6	Япония	2,8	18,7	14,3	4,3
7	США	4,4	18,6	16,6	1,5
8	Словакия	8,1	16,7	16,4	0,3
9	Великобритания	4,7	13,6	13,5	0,1
10	Латвия	8,7	13,2	11,2	2,0
11	Литва	7,1	12,6	8,2	4,4
12	Венгрия	4,2	12,2	11,8	0,4
13	Дания	5,7	11,2	4,1	7,2
14	Швейцария	4,8	10,4	4,2	6,2
15	Германия	3,8	10,2	9,7	0,5
16	Франция	9,4	9,8	5,4	4,4
17	Нидерланды	4,9	9,4	8,4	0,9
18	Швеция	6,7	8,2	2,6	5,6
19	Норвегия	4,2	7,4	7,1	0,2
20	Эстония	5,8	6,9	5,4	1,5
21	Финляндия	8,6	6,3	6,2	0,1

Источник: составлено автором²².

Кроме того, в последние годы на европейских рынках труда наблюдается тенденция перехода к неустойчивым трудовым отношениям (прекаризация занятости). Причем это проявляется не только среди уязвленных слоев населения, но и среди людей среднего класса, и даже в такой, казалось бы, благополучной в социально-трудовом плане стране, как Германия, – пишет профессор Йенского университета К. Дерре²³. По его оценкам,

²¹ Организация экономического сотрудничества и развития.

²² Women and men in the informal economy: a statistical picture (third edition) / International Labour Office – Geneva: ILO, 2018. / URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang-en/index.htm (дата обращения: 05.06.2019).

²³ Мармер Э. Что такое прекариат? // Neue Zeiten. 2009. № 05 (071). URL: <http://neuezeiten.rusverlag.de/2009/07/24/chto-takoe-prekariat/> (дата обращения: 01.05.2020).

каждый третий работающий по найму в ФРГ находится в состоянии прекариата (случайная работа, самозанятость или частичная занятость), при этом даже крупные работодатели проявляют стремление переводить своих работников в категорию «неустойчивых» и непостоянных.

Наконец, высокий уровень социальных гарантий в западных странах сам по себе косвенно способствует поддержанию неформальной занятости. Именно он привлекает иностранных мигрантов из стран, менее развитых в плане социального обеспечения или находящихся в тяжелой экономической, политической ситуации. Отсутствие необходимых документов и разрешений для трудоустройства нередко вынуждает мигрантов соглашаться на работу только на условиях неформального найма, в том числе – в рамках национальной общины, которая представляет собой закрытую экономическую систему со своими внутренними правилами и традициями. Впрочем, наиболее распространенной практикой среди них является жизнь на социальное пособие, что увеличивает нагрузку на социальную сферу.

Из всех возможных причин существования неформальной и даже криминальной экономики в развитых западных странах иностранная миграция является основной и наиболее сложно-преодолимой. Пока Евросоюз проявляет толерантность и несет бремя ответственности, но это уже чувствительно сказывается на его социальных расходах и обостряет некоторые социально-экономические проблемы в отдельных странах. В свою очередь страны с англосакской моделью²⁴ (Великобритания, США, Австралия, Новая Зеландия) стараются ограничивать круг социальных гарантий и таким образом снижать привлекательность своих рынков для пассивной части трудовых ресурсов. Их основная задача – повышение мобильности работников и обеспечение трудового равенства.

Общемировой тенденцией (и одновременно – глобальной причиной сохранения и распространения неформальной занятости) является трансформация трудовых отношений. Из них все чаще

²⁴ В целом для англосакской модели рынка труда характерно гораздо большее предоставление свободы работодателю в его взаимоотношениях с работниками, чем предполагает западноевропейская модель, размер заработной платы регулируется рынком, государство гораздо меньше вмешивается в трудовые отношения, а трудовое законодательство схоже с гражданским.

вытесняется регулярная занятость на основе трудовых соглашений (контрактов). Это может быть обусловлено как объективными обстоятельствами, связанными с процессами информатизации экономики, автоматизации производства, развитием средств коммуникации (дистанционная занятость, фриланс), так и субъективными – стремление работодателей к сокращению издержек на труд (перевод на сокращенный режим рабочего времени, временные трудовые соглашения, сезонная работа, аутсорсинг и аутстаффинг).

В любом случае все те процессы, которые происходят вне рамок традиционной модели социально-трудовых отношений, ослабляют социальную ответственность работодателя перед работником, что ведет к дальнейшей деформализации занятости.

Исходя из количественных показателей, опыт большинства развитых стран по легализации и регулированию занятости можно расценивать в целом как положительный. Меры сокращения и регулирования неформальной занятости строятся преимущественно на развитой системе социальной поддержки населения и эффективности официальных институтов власти, обеспечивающих высокую налоговую и административную культуру граждан и юридических лиц. На этот опыт во многом ориентируется и Международная организация труда в разработке своих программ и рекомендаций по регулированию сферы труда и сокращению неформальной занятости. В то же время, как было показано, европейские подходы постоянно сталкиваются с новыми вызовами и не отличаются гибкостью, что обуславливает необходимость их совершенствования.

Российская специфика и опыт регулирования неформальной занятости

В России официальные и экспертные оценки масштабов неформальной занятости и результатов предпринятых мер по ее сокращению сильно расходятся. Росстат, измеряя занятость только в неформальном секторе экономики, оценивает ее в 21,3% (по итогам 2019 г.), при этом Министерство труда и социальной защиты РФ отчитывается об «обнадеживающих результатах» работы по легализации неформальной занятости и об увеличении доли граждан, получающих заработную плату

официально²⁵. В свою очередь МОТ оценивает неформальную занятость в нашей стране на уровне 35,9%²⁶, а многие исследователи заявляют о ее планомерном росте (примечательно, что эти выводы основаны на официальных же данных Росстата о среднесписочной численности занятых на предприятиях и отрицательной динамике сальдо между созданием и ликвидацией рабочих мест) [см., например, Стратегия..., 2013].

Основным недостатком политики регулирования сферы труда в нашей стране, в том числе в части сокращения неформальной занятости эксперты называют отсутствие системности и слабую эффективность институтов рынка труда [Маслова, 2018; Золин, 2016]. Так, неоднократно за последние два десятилетия менялись порядок и размер уплаты социальных взносов, правила системы пенсионного обеспечения, политика в отношении самозанятости, был повышен пенсионный возраст. Среди положительных результатов можно отметить лишь успех информационно-разъяснительной работы (социальная реклама, работа Пенсионного фонда в части информирования людей о последствиях неформальной занятости, доступность получения сведений о пенсионных накоплениях, переход на цифровые трудовые книжки). Однако в условиях дефицита рабочих мест в экономике, низкого уровня оплаты труда такие мероприятия представляются недостаточными.

Значимой мерой на пути к легализации деятельности самозанятых граждан в нашей стране стало введение с 2017 г. специального, патентного налогового режима, а также возможности регистрации физических лиц, оказывающих определенные услуги, например, по присмотру и уходу за детьми, репетиторству, уборке помещений и иной помощи в домашнем хозяйстве, путем уведомления налогового органа о своей деятельности с одновременным освобождением (предоставлением налоговых каникул) от уплаты налогов. С момента действия реформы на конец 2019 г. в качестве самозанятых или плательщиков налога на профессиональный доход зарегистрировано более 330 тыс. человек²⁷,

²⁵ Роструд заявил, что в России нет роста неформальной занятости // ГородРабот.ру. URL: <https://gorodrabot.ru/news/100646> (дата обращения: 01.05.2020).

²⁶ МОТ использует данные исследования Высшей школы экономики (ВШЭ) за 2014 г.

²⁷ URL: <https://regnum.ru/news/2815533.html>

и по состоянию на 01.04.2020 г. 4575 человек уведомили о своем статусе налоговый орган, из них 438 – иностранные граждане²⁸.

Заключение

Проведенный нами анализ показал, что определяющими условиями для стимулирования легализации занятости являются качество и эффективность официальных институтов, это подтверждается невысокими показателями неформальной активности в развитых западноевропейских странах, где созданы мощные социально-экономические стимулы к участию в официальной экономике и законному оформлению трудовых отношений как для работников, так и для работодателей. В свою очередь активная политика в области занятости, проводимая странами Латинской Америки, также подтверждает восприимчивость неформальной сферы к совершенствованию правовой и налоговой среды, однако главным залогом достижения устойчиво низких показателей неформальной занятости является системность.

По нашему мнению, России для оздоровления рынка труда необходимо совершенствовать эффективность институтов этого рынка и проводить более активную политику в области поддержки достойной занятости, а также улучшать институты, стимулирующие предпринимательскую деятельность (кредитование, снижение и перераспределение налоговой нагрузки и пр.).

Литература

Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ / С. Ю. Барсукова. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2004. 448 с.

Бизюков П. В. Практики регулирования трудовых отношений в условиях неустойчивой занятости. М.: АНО «Центр социально-трудовых прав», 2013. 152 с.

Вишневская Н. Т. Институт минимальной заработной платы в странах ОЭСР [Текст]: препринт WP3/2005/03 / Н. Т. Вишневская; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. Сер. Проблемы рынка труда. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. 47с.

Золин И. Е. Об особенностях и содержании государственного регулирования рынка труда развитых стран на современном этапе // Национальные приоритеты: экономика и безопасность. 2016. № 1. С. 131–143.

Маслова Е. В. К вопросу о системности регулирования неформальной занятости Вестник ВГУ. Сер. Экономика и управление. 2018. № 2. С. 104–110.

Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам

²⁸ URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/

социально-экономической стратегии России на период до 2020 года / Под ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. Т. 1. М., 2013.

Сафонов А. Л., Некипелова Д. В. Неформальная занятость: влияние экономического кризиса на формы проявления и экономическую динамику Международная научно-практическая конференция «История и научное прогнозирование развития трудового права и права социального обеспечения» (Третьи Гусовские чтения): материалы конференции / Под общ. ред. Н. Л. Лютова Ф. О. Сулеймановой; сост. Н. Л. Лютов, Ф. О. Сулейманова. М.: РФ-Пресс, 2018. 424 с.

Щербачева Е. М. Прогноз городского и сельского населения мира, 2018 // Демоскоп Weekly. 2018. № 773–774. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0773/barom01.php> (дата обращения: 15.12.2019).

Boeke J. N. Economics and Economic Policy of Dual Societies. N.Y., 1953.

Castells, M. and Portes, A. World Underneath: The Origins, Dynamics, and Effects of the Informal Economy//In A. Portes, M. Castells & Lauren A. Benton, eds. The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Advanced Developed Countries. Baltimore, MD, USA: John Hopkins University Press. 1989. Pp. 11–37.

Chacaltana J. Peru, 2002–2012: growth, structural change and formalization, Cepal Review № 119, 2016. Pp. 45–64.

De Soto H. The Other Path: the Invisible Revolution in the Third World. Perennial Library, Washington DC, 1989.

De Soto H. The Mystery Of Capital: Why Capitalism Triumphs In The West And Fails Everywhere Else, 2000.

Fields G. S. Labour Market Modeling and the Urban Informal Sector: Theory and Evidence // The Informal Sector Revisited / D. Turnham, B. Salomé, A. Schwarz (eds.). Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-Operation and Development, 1990.

Geertz C. The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing// American Economic Review. 1978. Pp. 28–32. Опубликовано: American Economic Association. URL: <http://www.jstor.org/stable/1816656> (дата обращения: 20.05.2019).

Harris John R. and Michael P. Todaro, 1970, «Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis», American Economic Review. 60, 126–42.

Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana / K. Hart // The Journal of Modern African Studies. 1973. Vol. 11. № 1. Pp. 61–89.

Kucera D., Roncolato L. Informal employment: Two contested policy issues – International Labour Review. Vol. 147 (2008). № 4. Pp. 321–348.

Lewis W. Arthur Economic Development with Unlimited Supplies of Labor // The Manchester School. 1954. 22 (2). Pp. 139–191.

Maloney W. F. Informality Revisited.// World Development. 2004. № 32 (7).

Thomas JJ. Surviving in the city: The Urban informal sector in Latin America. 1995.

Williams C. Formal and informal employment in Europe: beyond dualistic representations //European Urban and Regional Studies 16 (2). 2009. Pp. 147–159.

Статья поступила 15.04.2020.

Статья принята к публикации 23.04.2020.

Для цитирования: *Некипелова Д.В.* Подходы к регулированию неформальной занятости: теория и практика // ЭКО. 2020. № 7. С. 75-99. DOI: 10.30680/ЕССО0131-7652-2020-7-75-99.

Summary

Nekipelova, D.V., Academy of Labor and Social Relations, Moscow

Approaches to Regulating Informal Employment: Theory and Practice

Abstract. The issue of spreading informal employment is relevant for many countries, regardless of their level of socio-economic development and has pronounced geographical and national specific features. Most countries try to optimize this phenomenon and maximize legalization of labor relations. The author of the paper analyzes various approaches to regulate informal employment, including those existing within the framework of dominant schools of thoughts, as well as implemented in practice by separate countries. Through analysis of existing theoretical and applied approaches, the author sets the goal of finding relevant solutions aimed at reducing informal employment and improving the quality of the general employment structure for the Russian labor market. Integration of successful foreign practices in Russian conditions can reduce the time and costs of implementing respective programs, as well as increase their effectiveness. The main conclusion of the study is that reduction of informal employment depends on implementation of integrated and systemic measures covering all areas of the institutional, economic, social and legal environment. In conclusion, proposals are presented which, according to the author, can form the basis of the state program of legalizing employment.

Keywords: *informal employment; informal economy; informal sector employment; precarization of employment; labor market; decent employment; entrepreneurship; shadow economy*

References

- Barsukova, S.Yu. (2004). *Informal economy: economic and sociological analysis*. S.J. Barsukova. Moscow: Publ. house of SU HSE. 448 p. (In Russ.).
- Bizyuukov, P.V. (2013). *Labor regulation practices in precarious work*. Moscow. Centr of Social and Labor Rights. 152 p. (In Russ.).
- Boeke, J.N. (1953). *Economics and Economic Policy of Dual Societies*. N.Y., Castells, M. and Portes, A. (1989). *World Underneath: The Origins, Dynamics, and Effects of the Informal Economy*. In A. Portes, M. Castells & Lauren A. Benton, eds. *The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Advanced Developed Countries*. Baltimore, MD, USA: John Hopkins University Press. Pp. 11–37.
- Chacaltana, J. (2016). Peru, 2002–2012: growth, structural change and formalization, *Cepal Review*. No. 119. Pp. 45–64.
- De Soto, H. (1989). *The Other Path: the Invisible Revolution in the Third World*. Perennial Library, Washington DC.
- De Soto, H. (2000). *The Mystery Of Capital: Why Capitalism Triumphs In The West And Fails Everywhere Else*.
- Fields, G.S. (1990). *Labour Market Modeling and the Urban Informal Sector: Theory and Evidence. The Informal Sector Revisited / D. Turnham, B. Salomé, A. Schwarz (eds.)*. Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-Operation and Development.

Geertz, C. (1978). The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing. *American Economic Review*. Pp. 28–32. Published: American Economic Association. Available at: <http://www.jstor.org/stable/1816656> (accessed 20.05.2019).

Harris, John R. and Michael P. Todaro. (1970). Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. *American Economic Review*. No. 60. Pp. 126–42.

Hart, K. (1973). Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. K. Hart. *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 11. No. 1. Pp. 61–89.

Kucera, D., Roncolato, L. (2008). Informal employment: Two contested policy issues. *International Labour Review*. Vol. 147. No. 4. Pp. 321–348.

Lewis, W. (1954). Arthur Economic Development with Unlimited Supplies of Labor. *The Manchester School*. No. 22 (2). Pp. 139–91.

Maloney, W.F. (2004). Informality Revisited. *World Development*. No. 32 (7).

Maslova, E.V. (2018). To the issue of systematic regulation of informal employment. *Bulletin of Voronezh State University. Series: economy and management*. No. 2. Pp. 104–110. (In Russ.).

Safonov, A.L., Nekipelova, D.V. (2018). *Informal employment: the impact of the economic crisis on the form and dynamics*. International scientific and practical conference «History and scientific forecasting of the development of labor law and social security law» (The Third Gusov readings): conference materials. Edited by N.L. Ljutova F.O. Sulejmanovoj; made up by N.L. Ljutov, F.O. Sulejmanova. Moscow: RG-Press. 424 p. (In Russ.).

Shcherbakova, E.M. (2018). Forecast of urban and rural population of the world, 2018. *Demoskop Weekly*. No. 773–774. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0773/barom01.php> (accessed 15.12.2019).

Strategy-2020: New growth model – new social policy. Final report on the results of expert work on actual issues of Russian's socio-economic strategy for the period until 2020 (2013). Edited by V.A. Mau, J.I. Kuzminova. V. 1. Moscow. (In Russ.).

Thomas, J.J. (1995). *Surviving in the city: The Urban informal sector in Latin America*.

Vishnevskaya, N.T. (2005). *The institute of minimum wage in OECD countries* [Text]. working paper WP3/2005/03. N. T. Vishnevskaya; State University – Higher School of Economics. Moscow: Publ. house of SU HSE. 47, [1] p. (Ser. Labour Market Problems). (In Russ.).

Williams, C. (2009). Formal and informal employment in Europe: beyond dualistic representations. *European Urban and Regional Studies* 16 (2). Pp. 147–159.

Zolin, I.E. (2016). About the features and content of state regulation of the labor market of developed countries at the present stage. *National priorities: economy and safety*. No. 1. Pp. 131–143. (In Russ.).

For citation: Nekipelova, D.V. (2020). Approaches to Regulating Informal Employment: Theory and Practice. *ECO*. No. 7. Pp. 75-99. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-75-99.